

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.42

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

© 2015 г. О. В. Загорская, Л. С. Николаева

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова
Донского государственного аграрного университета*

В статье анализируется феномен социального оптимизма как ресурса развития российской молодежи. Авторы указывают, что социальный оптимизм является одним из важнейших компонентов и ресурсов оптимизма и в целом развития российской молодежи. Эта проблема рассматривается в контексте возрастания значимости и важности социального оптимизма в обществе.

Ключевые слова: оптимизм; ресурс; российская молодежь; социум; ценности; ценностные ориентации; социальное воспроизводство; социализация; культура; субкультура.

Phenomenon of social optimism as a resource for the Russian youth development is analyzed in the article. The authors point out that social optimism is one of the most important components and resources of optimism and the Russian youth development as a whole. This problem is considered in the context of increasing for significance and importance of social optimism in the society.

Key words: optimism; resource; Russian youth; social values; value orientation; social reproduction; culture; subculture.

В настоящее время о проблемах молодежи пишется немало, констатируются существенные социально-возрастные и социокультурные различия как между возрастными поколениями, так и внутри молодежной среды [1, с. 659]. Но обращает на себя внимание тот факт, что интерпретации социального статуса, социальных мотиваций молодежи разнородны.

В массовом сознании не без помощи СМИ сложилось мнение, что вступившие во взрослую жизнь два молодых поколения постреформенной России не выполняют роль социально-воспроизводственной группы и развития, что молодежь по социальным, профес-

сиональным и коммуникативным качествам, имея высокий адаптивный потенциал к переменам и фиксируя новый коллективный опыт, отличный от старших поколений, не демонстрирует социальной активности, также, как и высокой личной ресурсоспособности, чтобы включиться в общественную и профессиональную жизнь.

В научной литературе вырисовывается две позиции по поводу социального воспроизводства молодежи. С одной стороны, отмечается, что именно молодежь является новым поколением — поколением, которому не свойственен патернализм, безынициативность и ложный коллективизм россиян,

выходцев из советского периода [2, с. 420]. Вторая же позиция состоит в том, что современная молодежь представляет социально дезориентированную, социально дезорганизационную массу и речь идет не столько о социально-возрастной категории, сколько о группе индивидов, объединенных лишь социальным негативизмом и стремлением к реализации индивидуальных жизненных стратегий [3, с. 153].

Таким образом, можно сказать, что не выработан целостный и приемлемый для массового сознания образ молодежи, как социального субъекта, как группы, вступающей во взрослую жизнь. Интерес в связи с этим обстоятельством вызывает социальный оптимизм молодежи, что часто преподносится как естественная социальная характеристика (молодым свойственно надеяться, старикам — сожалеть).

Однако данное суждение противоречит тенденции роста социальной агрессивности, фрустрации, ухода молодежи в девиантные субкультуры. В современной социальной публицистике вырисовывается иной образ — безнадежно потерянных молодых людей, ищущих успокоение в мире наркотиков, секса, ничегонеделания [4, с. 102–104].

Полагая, что социальный оптимизм молодежи является как образом восприятия мира, так и способом формирования жизненных стратегий, мы исходим из определения социального оптимизма, как веры в личное счастье и успех на социальном микроуровне, и готовности к отстаиванию социальных позиций и влиянию на социальные преобразования в обществе на социальном макроуровне.

Конечно, эти трактовки расходятся между собой и часто демонстрируют когнитивный диссонанс. Чтобы адекватно описать и объяснить роль социального оптимизма в мотивациях молодежи в ее отношении к социальным процессам, необходимо опираться на достаточно презентативный социологический анализ. Как писал основатель социологии знания К. Мангейм, если считать молодежь социальным ресурсом, требуется определить, в чем состоит проблема молодежи в современном обществе, что может ожидать молодежь от общества и что общество испытывает в оценке молодежи, каким образом

ставит вопрос ее «использования» [5, с. 443].

Способность правильной реализации ресурсов молодежи, на взгляд Мангейма, определяет степень социального развития и характеризует жизнеспособность общества. По Мангейму социальный оптимизм молодежи — это следствие незнания, неведения, дефицита жизненного опыта, поскольку молодежь не прогрессивна, не консервативна — она по своей природе потенция, готовая к любому начинанию [5, с. 445]. От молодежной политики государства, от состояния социальной структуры можно вести анализ социальных перспектив молодежи.

Российская молодежь, представляя достаточно целостную по социально-возрастным и социально-эмотивным установкам группу населения, является разнородной как в оценке текущих социальных событий, так и приоритетов жизненных целей, формируемых как ориентиры социального саморазвития. Если в контексте исторического сознания молодежь выделяет в качестве основного критерия образ зарождающегося открытого общества, имеющего перспективы технологического и нравственного обновления с элементами демократизации в политической и общественной жизни [6, с. 28], можно говорить о том, что у российской молодежи, по крайней мере, по отношению к прошлому, не потеряно чувство общественной резонантности, отзывчивости на общественные проблемы.

Однако наиболее характерным для молодежи является достаточно слабая идентичность, которая проявляется лишь в большей степени для брежневского периода (83,9%) [6, с. 45]. Иными словами, молодежь указывает на брежневский период как период наибольшего социального комфорта, умеренного достатка с приоритетами духовной деятельности.

Вероятно, этот образ фиксирует существенную индивидуализацию социальных позиций молодежи, отказ от идеалов коллективизма (коллективных форм как основных форм жизнедеятельности) в контексте реализации жизненных стратегий. Эта позиция коррелируется с отношением молодежи к современной России — обществу, которое, находясь в состоянии отчужденности от своих граждан, тем не менее, имеет положитель-

ным качеством расширение сферы частных свобод, приобщение к новым рыночным профессиям и автономии свободного времени [7, с. 10].

Формирование социального оптимизма, как личного ресурса, определяется сдержанным отношением или неприятием коллективных форм или опеки, вмешательства государства и верой в собственные силы, возможности не просто как-то устроиться в жизни, но и, действуя на свой страх и риск, достичь определенной степени самореализации. С чувством социального оптимизма вполне коррелируют качества, которые молодежь наиболее ценит в людях — ум (69,3%), целеустремленность (48,9%), уверенность в себе (48,7%) [7, с. 131].

Для позиций молодежи свойственно, не обращаясь к историческому опыту, как источнику социальной ностальгии, опираться на то, что и современность, и настоящее России нацеливают человека на уверенность в себе, на способность отделить собственные обстоятельства от общественных для обеспечения успеха и достижения стабильного социального самочувствия.

Возникает вопрос: «Какова степень социальности позиций молодежи?». Социальные проблемы, волнующие молодежь сегодня, в первую очередь проблема трудоустройства (79%), наркомания, алкоголизм, насилие в молодежной среде (59%), кризис морали, культуры, нравственности (46%), получение образования (45%) [8, с. 61], свидетельствуют о том, что молодежь вполне ощущает и осмысливает собственные личные позиции в контексте существующей кризисной ситуации в российском обществе. Но, исходя из исторического опыта, демонстрирующего, что массовый оптимизм является достоянием прошлого и перспективы личности зависят от ее собственных усилий, нацеливают устремления на поиск индивидуальной ниши в структуре общества, что предполагает отказ от традиционных форм социально-профессиональной интеграции [9, с. 36–70].

Также очевидно, что, испытывая беспокойство по поводу кризиса морали, культуры и нравственности, молодые люди в большей степени опасаются насилия и агрессивности в собственной молодежной среде. Восприни-

мая многие новые возможности, как мнимые и декларативные, молодые люди ощущают реальный разрыв, возникший между тем, что формируется в качестве путей социального развития и оценкой собственных жизненных шансов.

Социальный оптимизм, таким образом, являясь, с одной стороны, проекцией влияния внешней среды, с другой — во многом определяется осознанием личной ресурсоспособности. Вера в собственные силы помогает сконцентрироваться на уходе от общественных проблем, как проблем, не имеющих принципиального значения для того, чтобы достичь состояния «жизнь удалась». К тому же, ценностными приоритетами молодежи являются семейное благополучие (77%), здоровье (68%), полноценный отдых, интересные развлечения и экономическая независимость [9, с. 64].

Также формируется образ обывательской группы — группы, которой свойственна тяга к социальному комфорту и социальной самореализации, но достаточно прохладно относящейся к общественной пользе (20%), патриотизму и гражданственности (18%), участию в общественной жизни, в решении проблем, стоящих перед обществом (16%). Социальный оптимизм, таким образом, прагматизируется, более значимыми становятся приоритеты личного благосостояния [10].

Наиболее равномерно позиции молодежи в оценке социального оптимизма, как уверенности в себе, представлены в тех сферах, где молодежь, по ее мнению, может достичь наибольших успехов — образование, бизнес; и, в меньшей степени, в том, где касается сфер, в которых участие молодежи или практически незаметно, или характеризуется статусом подчиненности — политическая, правовая сфера, сфера управления.

Конечно, на это обстоятельство влияют и степень институционального доверия молодежи, которая практически не отмечает деятельность институтов, защищающих интересы молодежи. Если обобщить полученные данные, то молодежь в меньшей степени ориентируется на политические и правовые институты, что связано с общей идеологизацией массового сознания и повышением идеологической толерантности. Велика

доля тех, кто считает для себя общественные проблемы чуждыми и рассматривает социальный оптимизм в контексте повышения неиндивидуальной ответственности. Наиболее критично молодое поколение относится к позиции ее социальной востребованности, в отношениях старших поколений. По отношению к себе демонстрируется позиция симпатии (31,5%), сочувствия (27%), в то время как для старших поколений значимым является сочувствие (43,2%) [3, с. 149]. Очевидно, что для представителей старших поколений молодежь, отчасти, является потерянным поколением, дезориентированным, тем не менее, не достойным осуждения, а для молодежи эта позиция выглядит устаревшей, не соответствующей современным социальным реальностям.

Можно сделать вывод, что социальный оптимизм, имеющий опору на собственную силу, сформировал культурную идентичность молодого поколения, связанный с постоянным сужением социального интереса, с тем, что открытость мышления, готовность дать оценку важным социальным событиям или переключиться на широкий спектр социальных запросов, выйти на диалог с другими возрастными группами свойственен только 8% молодежи [3, с. 153].

Характеризуя социальный оптимизм, можно также сказать о том, что приведенные данные свидетельствуют о «безыдеальности» современной нынешней российской молодежи: идеалов нет у практически 75% [6, с. 128]. Это объяснимо тем, что в условиях не только экономического, но и духовного кризиса молодежь вынуждена довольствоваться либо логикой самополагания, либо опираться на ценности молодежных субкультуры вырабатывающих, скорее, стили, чем образы жизни [9, с. 36–70].

Характерно и то, что среди молодых людей, согласно классификации, данной М. К. Горшковым, наиболее выделяется группа предприимчивых в контексте презентативности социального оптимизма (20%) [9, с. 132], которая основной жизненной целью ставит добиться собственного бизнеса, достичь богатства и материального достатка. С ними соперничают максималисты (19%), для которых важно достичь успеха практически во всех сферах жизни.

«Безыдеальность» направляет усилия молодых людей в сферу формирования собственных групп «единомышленников», круга близких или оптимального индивидуализма, включающего отношения с другими людьми, как формы самопрезентации. На этот счет можно согласиться с польским исследователем М. Яцино, которая пишет, что отсутствие действия в той же степени, что и само действие, выражает собственное «я» [11, с. 176].

Как энергичные (активисты), так и достаточно пассивные (апатичные) представители молодежной среды позиционируют стремление рассчитывать на общественный успех принятием приоритетов «внутри», а не «извне», что приводит к переосмыслению социального оптимизма молодежи как ресурса, направленного на преумножение собственных сил и имеющего общественно значимый эффект в пересмотре привычной схемы интеграции молодежи в общество на основе устоявшегося общественного запроса.

Молодые россияне, демонстрируя уверенность в себе, называют первым фактором успеха личные качества и амбиции (75,9%). Стоящие на втором месте влиятельные связи (74,7%) показывают, что внешние обстоятельства связываются с механизмами неформального социального капитала, усилия, направленные на использование латентных факторов. Слабая зависимость от социальных гарантий (35,6%) и поддержка со стороны государства являются тенденциями не столько социального отчаяния, сколько ориентации на формирование новых правил и норм социальной жизни, которые бы позволили молодому поколению сделать восприимчивые декларативные возможности реальными условиями социального роста и социальной карьеры.

Социальный оптимизм в этом контексте перестает быть ресурсом самоуверенности и стимулирует интерес к факторам и формам общественного участия и самодеятельности. Таким образом, российская молодежь вынужденно оптимистична: в условиях неэффективности патерналистского социального опыта, социального альтруизма и осознания того, что ни профессия, ни образование не гарантируют восходящей социальной карьеры, молодые россияне рациональны в стремлении минимизировать социальные обязательства

и сосредоточиться на социальном микроуровне.

Эта позиция имеет пределы в осознании нарастания социальной неопределенности, в том, что социальные риски могут разрушить иллюзии благополучия и молодой человек попадает в ситуацию «тотального отчаяния». Однако, и в этом случае нельзя не отметить, что социальный оптимизм молодежи является преддверием новой поведенческой модели, «принуждающей» к совместному отстаиванию интересов и переосмыслению социального оптимизма, как ресурса коллективного развития. Понимая ущербность «жизни в кредит», вера в собственные силы для молодых россиян подталкивает к тому, что можно жить так, что, не поступаясь самостоятельностью, ощущать себя социально полезным [12, с. 363], несмотря на восприятие сложившихся социальных обстоятельств как нормы.

Литература

1. *Анисимова О. С.* Ценностные ориентации студенческой молодежи в контексте кризиса социализационной системы трансформирующегося российского общества. / Анисимова О. С., Николаева Л. С. // *Современные проблемы науки и образования*. — 2013. — №5.
2. *Горшков М. К.* Свобода. Равенство. Братство. — М., 2007.
3. *Социология и современная Россия*. — М., 2003.
4. *Николаева Л. С.* Социально-философский анализ трансформации ценностных ориентаций личности студента. / Л. С. Николаева, Т. Н. Чумакова, К. С. Беликова. // *Международный научно-исследовательский журнал*. — 2014. — №2–2 (21).
5. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. — М., 1994.
6. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Молодежь России: социологический портрет. — М., 2010.
7. *Бородина Н. А.* Специфика субъекта информатизации высшего образования в современной России. / Н. А. Бородина, Л. С. Николаева. // *Научная мысль Кавказа*. — 2012. — №1.
8. *Российская молодежь на рубеже XX–XXI веков. Трансформация системы ценностей*. — М., 2012.
9. *Федорова Е. А., Николаева Л. С.* Социально-философский анализ аксиологических ориентиров личности студента средних специальных учебных заведений в современной России. — Новочеркасск: НГМА, 2009.
10. *Бочан С. А., Николаева Л. С., Клочкова А. А.* Целостное измерение личности в современном обществе: социально-философский анализ: монография. — Новочеркасск, 2008.
11. *Культура индивидуализма*. — Харьков, 2012.

Поступила в редакцию

15 февраля 2015 г.

Ольга Вадимовна Загорская — кандидат социологических наук, доцент Новочеркасского инженерно-мелиоративного института Донского государственного аграрного университета.

Olga Vadimovna Zagorskaya — Ph.D., Candidate of Sociology, docent of the Novochoerkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novochoerkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 22-38-24; e-mail: ngma-ekonomik-upravleniya@mail.ru

Людмила Сергеевна Николаева — доктор философских наук, профессор Новочеркасского инженерно-мелиоративного института Донского государственного аграрного университета.

Lyudmila Sergeevna Nikolayeva — Ph.D., Doctor of Philosophy, professor of the Novochoerkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novochoerkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 22-38-24; e-mail: ngma-ekonomik-upravleniya@mail.ru
